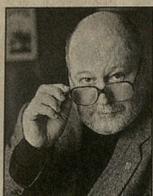

Россия, 2005. 3-9 ноября. с. 14

Беседа с Александром Крыловым

Российская словесность...
Есть в этих звуках что-то от дребезжания клавиатуры при чтении державинских од; от трепетания пламени свечи над рукописью пушкинского романа. В.И. Даль писал, что словесность — это «все, что относится к изучению здравого суждения, правильного и изящного выражения». Поговорить о том, существует ли ныне российская словесность, не потеряна ли сама способность к здравому суждению, наш обозреватель предложил известному поэту, барду, директору архива и библиотеки русской эмиграции при Российском фонде культуры, кандидату исторических наук Виктору Леонидову.

Виктор ЛЕОНИДОВ:

В гражданской войне не бывает победителей...

Виктор Леонидов

— Поэты — люди особые. Им дан талант выражать словами чувства, которые простые смертные способны лишь ощущать... Вы — не только известный поэт, бард, исполнитель, чья песня завершает каждую серию фильма «Никита Михалков: Русский выбор», но и профессиональный историк-архивист. Как с этих позиций вам видится нынешнее состояние отечественной словесности?

— Думаю, не открою Америки, если скажу, что без литературы, без книг, которые читают поколениями, никакая держава, претендующая на звание великой, существовать просто не может. Словесность — неперенная составляющая духовного потенциала нации. В это понятие входят не только, а может быть, и не столько произведения классиков, шедевры национальной литературы, но и тот язык, на котором говорит поэт, молится человек.

Именно сознание и духовность определяют бытие. Конечно, эта точка зрения не совпадает с той марксистско-ленинской философией, которой нас учили в советских школах и институтах. Для идеологов коммунизма главным было убедить, что человек — всего лишь винтик огромной машины, расходный материал в классовой борьбе, что в мире все определяет бытие, а сознание — вторично.

Слава богу, им так и не удалось окончательно подорвать веру людей в то, что дух сильнее бытия. Даже в самые тяжелые, переломные этапы истории духовная жизнь не прекращается. Более того, именно высокие идеалы, осознание величия духа обладают способностью к выживанию даже в большей степени, чем физическая, материальная сторона бытия. Человек духовный не может быть унижен ни политически, ни экономически. В этом отношении очень показательны пример миллионов русских людей, вынужденных покинуть родину после революции 1917 года. Феномен русской эмиграции во многом заключается именно в том, что она в «рассеянии» сохранила дух былой России, утерянный здесь за годы советской власти.

— Каким образом можно было сохранить традиции, утраченные на родине?

— Почему-то очень мало внимания обращают на один, на мой взгляд, просто поразительный факт. В Париже, Берлине, Праге в конце двадцатых—тридцатых годов вышло больше русских изданий, чем в СССР. Я не говорю, конечно, о сочинениях Ленина, Сталина или «Кратком курсе ВКП(б)», на которые были срублены целые леса... Речь идет о классиках русской литературы, о тех писателях, которые в то время составляли цвет отечественной изящной словесности: Иване Бунине, Александре Куприне, Дмитрии Мережковском, Марии Цветаевой, Марке Аладанове. У людей не было денег на хлеб, но они пытались складываться, находили последние гроши и выпускали замечательные книги. В отношении к духовным ценностям, культу печатного слова был сохранен огромный культурный пласт. Кроме того, в отличие от СССР, где поколения воспитывались иванами, не помнящими родства, в эмиграции не прерывалась связь времен. Язык, семейные предания, увеличившиеся фамильные раритеты продолжали передаваться от дедов внукам. Даже речь старых русских эмигрантов звучит иначе, чем наша: они говорят чище и грамотнее многих наших «телевизионных» интеллигентов.

И наконец, христианские ценности, которые пронесли через всю эпоху эмиграции Православная Церковь, ставшая в рассеянии духовным столпом для русских людей. Думаю, это далеко не все составляющие, которые позволили сохранить русскую культуру вдали от родины.

— Что послужило поводом к вашему увлечению творчеством русской эмиграции?

— Вероятно, это стало неким итогом моей предыдущей профессиональной деятельности. Надо заметить, что меня, как историка по образованию, всегда интересовали времена, которые принято обозначать словом «смутные». Мне очень хотелось понять, что испытывали, чем жили, что думали люди, о которых поэт сказал: «Блажен, кто мир сей посетил в его минуты роковые». Даже моя кандидатская диссертация была посвящена московскому восстанию восемнадцатого века, известного в истории под названием «чумного бунта».

После защиты диссертации я много лет проработал в тогдашнем Государственном архиве Октябрьской революции, ныне ставшим Государственным архивом России. Здесь мне постоянно приходилось иметь дело с документами, касающимися событий 1917 года, Гражданской войны. Потом мне посчастливилось работать в Фонде культуры под руководством академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Это было время перестройки, и многие русские эмигранты, решив, что в Россию наконец-то пришла свобода, стали передавать нам свои архивы, библиотеки, художественные и культурные ценности. Это было очень благоприятно и совершенно бескорыстно. Если сегодня некоторые олигархи передают в дар музею или архиву какие-то раритеты, то это делается скорее для того, чтобы «засветить» свое имя, отметить замечкой в прессе. Тогда же дарили от всей души. Картины русских художников, книги, изданные в эмиграции, письма и дневники наших великих соотечественников, оказавшихся волею судьбы в эмиграции, поступали в Фонд культуры неиссякаемым потоком. Нам удалось сделать так, что это богатство не осталось лежать под замком, недоступным для читателей, исследователей. Мы постоянно публиковали документы, неизвестные про-

До сих пор помню, как я разбирал очередную коробку с книгами и брошюрами, поступившими из Франции. Под невзрачной серой обложкой вижу сборник, читаю: Турочков. «Путь», 1928 год. Перелистал странички, и словно обожгло:

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощется со мной.
Сколько раз*

*одной могилы
Ожидали мы в бою...
Конь все плыл,
Теряя силы,
Вера в преданность мою.
Мой денщик стрелял
не мимо —
Подкрасила чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*

Допускаю, что скандальные произведения Пелевина и Сорокина — не более чем некий литературный экзерсис. Однако классическая простота выше декадентской изощренности — стилистическим изыскам можно научиться, но пушкинская чистота стиха — это дано свыше.

изведения писателей, поэтов, философов, живших в эмиграции.

— Что для вас стало наиболее значимым открытием среди поступивших в дар Фонду культуры документов?

— Одним из главных дел моей жизни я считаю открытие имени замечательного поэта Николая Турочкова. Простой донской казак, он вместе с армией барона Врангеля покинул Россию, оказался в Сербии, умер в Париже, оставив после себя потрясающе, пронзительные стихи.

Это было просто навзрыт. Сразу вспомнился фильм «Служили два товарища» с Высоцким в роли белого офицера, сцена, в которой воспроизводилась вся боль стихов Турочкова. Вскоре удалось опубликовать подборку его стихов в «Огоньке».

Творчеством Николая Турочкова «зажгется» нынешний президент Фонда культуры Никита Михалков. Он по-моему все поехало во Францию, где я встретился с родственницей поэта Ириной Ивановой Турочковой — женщиной поразительной внешней и

духовной красоты, которая глубоко любила русскую литературу, знала наизусть все го Тютчева, Лермонтова, была потомственной дворянкой, но с презрением относилась к снобам, кичащимся титулами. Ее с детства воспитывали в мысли, что чем знатнее происхождение, тем большую ответственность несет человек. Сама благороднее должны быть его поступки.

По материалам, которые мне передала Ирина Ивановна, я издал две книги стихов Н. Турочкова, которые мгновенно были распроданы. Это доказывает, что, несмотря на то что Турочков был, прежде всего, казачьим поэтом (рукописные списки его стихов всегда ходили среди казаков), его творчество находит отклик в сердцах людей из всех слоев общества.

Еще один знаменитый поэт «белой идеи», стихи которого мне удалось вернуть в наше духовное пространство, — Иван Савин. Он почти мальчиком ушел в Добровольческую армию, пережил плен, издевательства, гибель братьев. Он умер в Хельсинки в 1927 году, оставив «надрывные» стихи о своем поколении, раздавленном колесом Гражданской войны.

— Но ведь были не только белые казаки, но и красные... Вы полагаете, отвернувшись от Белого движения, они стали меньше любить свой тихий Дон, а оставшись на родине, им пришлось испытать меньше невзгод, чем тем, кто оказался в эмиграции?

— Позволю привести цитату Генриха Гейне, который неплохо разбирался в подобных вопросах: «Только дурные и пошлые натуры выигрывают от революции. Люди с большим сердцем всегда будут ее жертвами». Так и случилось во время Гражданской

войны в России. В первую очередь пострадали те классы и сословия, которые были воспитаны на вековых традициях служения Отечеству, государству. Причем это оказались не только дворяне, офицеры или богатые кушачи первой гильдии, — было уничтожено русское крестьянство, казачество. Во многом пострадала и либеральная интеллигенция, сама накликавшая бурю. На смену им пришли люди, придерживающиеся совершенно иной нравственной ориентации. Революция стала общенациональной трагедией. В гражданской войне не бывает победителей. В ней проигрывают все, кроме кучки бессовестных демагогов и тиранов...

— Мы говорим о традициях, о преемственности поколений. А нет ли у вас ощущение, что нынешние попытки возродить то, что утеряно, обречены на провал, что те же «казаки», что гуляют по Арбату в штанах с лампасами, папахах, при нагайках, — всего лишь ряженые?

— Конечно, вряд ли кто-либо из здравомыслящих людей может говорить о полном возврате в прошлое, — нельзя дважды войти в одну реку. Но речь идет не о реставрации монархии, былых сословий или стили жизни столетней давности. Это все кануло в Лету. Но национальные традиции не умирают. Даже во времена самых

тяжелых испытаний они остаются жить где-то в подсознании, впитываясь с молоком матери, со звуками родного языка.

Но, как и в любом процессе, не обходится без перекося, без людей, которые увлекаются только внешними формами, не затрагивая сути проблемы. Я отношусь к таким людям скорее с состраданием, нежели с осуждением...

К сожалению, что редко случается, предсказания футурологов оправдываются. На смену Достоевскому пришли дамские романы и Интернет...

Может быть, в детстве они были лишены каких-то игр, забав, у них не было оловянных солдатиков, игрушечных сабель, красивой одежды. Что делать, пусть хоть теперь наиграются...

— Традиционным жанром русской литературы XIX—XX столетий был роман. На ваш взгляд, сохранится ли этот литературный формат в нынешнем веке?

— Думаю, эпохи типа «Войны и мира» вряд ли появятся на свет хотя бы потому, что на их создание уходят годы и годы, а сегодня жизнь и писателя, и читателя определяют совсем иные скорости, чем сто-двести лет назад. Тем не менее роман как жанр вполне совместим с XXI веком, что и демонстрирует по-

пулярная и плодотворная Дарья Донцова. Сразу оговорюсь, что, упомянув Донцову, я не оцениваю уровень ее творений...

Гораздо важнее другое отличие романа прошлых лет от современного. Литература должна беречь душу читателя, раньше процесс чтения был настолько волнительным занятием, что, когда Гете сочинил своего Вертера, по Европе прокатилась волна самоубийств, да и наш Базаров нашел немало последователей.

— Раньше общественное сознание во многом определялось писателями. Чернышевский, Тургенев, Толстой вдохновляли людей на социальное подвижничество, на поиск высших духовных истин. Сейчас среди литераторов что-то незаметно особенно интереса к социальной проблематике...

— Боюсь показаться аполитичным, но искренне надеюсь, что времена, когда писатель по роду своего творчества был обязан «глаголомом жечь сердца» людей, миновали. Все-таки процесс творчества — вещь очень интимная, и творит писатель, в первую очередь, для самого себя, для самосознания своего места под солнцем. Это — во-первых...

Далее, даже если современный писатель, как Лев Толстой, будет провозглашать: «Не могу молчать!» — его все равно никто не услышит. Пресса занята исключительно политическими разборками, каналы телевидения забиты продукцией шоу-бизнеса и рекламой. Сегодня роль проповедников «высших» ценностей — удел эстрадных звезд, журналистов, телевизионных ведущих. Конечно, есть и исключения, но канал «Культура» явно недостаточен.

Но главное, на мой взгляд, то, что писатели убедились: устоявшееся мнение о влиянии литературы на нравственность — не более чем миф. Писатель лишь отражает в романах процессы, происходящие в обществе, а не избрекает или программирует их. Хотя не бывает правил без исключения. Тургенев, например, придумал понятие «нигилизм», определившее нравственную физиономию нескольких поколений русских интеллигентов.

Возвращаясь к вашему вопросу, отвечу таким образом: феномен дореволюционной русской литературы заключался не только в том, что она подарила миру великих клас-

сиков, но и в том, что в России в то время существовали десятки тысяч умных, добрых, интеллигентных читателей, способных понять, оценить, разделить чувства и мысли гениев. А сейчас — ни гениев, ни читателей...

Еще в пятидесятых годах прошлого столетия американские литературные аналитики предсказывали, что человечество уйдет от восприятия абстрактных литературных текстов: время становится слишком дорогим для современного человека, чтобы тратить его на писательские фантазии. Они считали, что к концу столетия, то есть в наши дни, читатель будет прагматично совмещать насыщенные познавательного потенциала и весьма скромных эстетических запросов. К сожалению, что редко случается, предсказания футурологов оправдываются. На смену Достоевскому пришли дамские романы и Интернет...

— Однако в последнее время наметились четкие положительные тенденции в культурной жизни общества: по данным книжных ярмарок, вновь стали покупать больше классиков, охотно читают произведения историко-публицистического жанра. Может быть, не все так уж и плохо?

— Ваш список можно продолжить... Действительно, народ вновь стал посещать театры, появился интерес к религии, многие впервые прочитали Евангелие. На мой взгляд, наблюдается уменьшение влияния телевидения — народ устал от западных боевиков и санта-барбар. Более востребованным стало интеллектуальное кино, а значит, есть надежда, что следующим шагом станет литература, драматургия. Обратите внимание, сейчас наблюдается настоящее возрождение документального кино. Могу привести в пример многосерийный фильм Н. Михалкова, Е. Чавчавадзе, в котором принял участие и я, — «Русский путь». Его уже несколько раз демонстрировали по телевидению, и каждый раз он собирал многомиллионную аудиторию. Сейчас идет работа над продолжением этой кинооперы.

Будем надеяться, что мы все-таки выйдем из нынешнего духовного кризиса, у России вновь появится великая культура, которой будут завидовать другие нации. Даже пусть это будет не золотой или серебряный век русской культуры — но и бронза тоже очень достойный металл...
— Бронзовый век русской культуры? Дай бог, чтобы не каменный... Вы полагаете, что Пелевин или Сорокин — наследники русской литературной школы?

— Вполне допускаю, что скандальные произведения Пелевина и Сорокина — не более чем некий литературный экзерсис, в процессе которого происходит разработка мастерства. Однако форма дана писателю для выражения идеи произведения, она не должна стать самоцелью. Классическая простота выше декадентской изощренности — стилистическим изыскам можно научиться, но пушкинская чистота стиха — это дано свыше.

— Хотелось бы узнать ваше отношение к реформе грамматики русского языка.

— Я против успешных реформ, способных исказить само понятие о грамотности и нарушить традиционные представления о языковой культуре. Но не следует упускать из вида, что любой язык — русский или английский — явление динамичное и без постоянного обновления он не может существовать. Всегда и везде существуют заимствования из других языков, многие научные, художественные термины становятся полноправными элементами литературного языка других наций. В том же «Евгении Онегине» мы встречаем «бретет» и «боливар», и тогда еще достаточно непривычный для русского языка «бульвар».

Для нормального существования разговорного языка обязательно должен существовать некий эталон, на который могли бы ориентироваться самые широкие слои населения. Долгие годы эту функцию достаточно успешно выполняли дикторы радио и телевидения. Но в последние пять-десять лет ситуация резко изменилась: вопиющая безграмотность телеведущих поражает. Очевидна опасность загрязнения русского языка чуждыми ему вульгарными новообразованиями, наукообразной терминологией, профессиональным сленгом. Многие термины, пришедшие из политической или экономической журналистики, остаются абсолютно непонятными большинству населения. Происходит засорение литературного языка специальной терминологией. Процесс, на мой взгляд, недопустимый. Напомним, что еще Владимир Иванович Даль говорил: «Словесность — это здравость суждения».

Слово

Никита Михалков, президент Российского фонда культуры, режиссер:
— Виктор Леонидов известен как исследователь литературы русского зарубежья. Именно благодаря ему в Россию вернулись стихи прекрасных русских поэтов Николая Турочкова и Ивана Савина.
Виктор пишет замечательные песни, герои которых, как и герои его исследований, никогда не забывали, что такое честь и долг...